

Научная статья

УДК 81-13

DOI 10.17223/18137083/82/22

Русский язык советского типа: к определению понятия

Татьяна Вячеславовна Савина

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

tsavina2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7810-4545>

Аннотация

Предпринимается попытка верификации принятых в научно-исследовательской литературе концептов, описывающих функционирование русского языка в советский период, для обоснования возможности использования термина «русский язык советского типа». Как показывает анализ современных исследований, можно выделить ряд признаков, которые указывают на то, что в советскую эпоху сложился некий вариант русского языка, который в самом общем виде можно назвать «русским языком советского типа», т. е. когда с помощью лингвистических сигналов можно опознать процесс идеологической индоктринации носителей языка.

Ключевые слова

советский язык, lingua Sovietica, советизмы, новояз

Для цитирования

Савина Т. В. Русский язык советского типа: к определению понятия // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 297–310. DOI 10.17223/18137083/82/22

Russian language of the Soviet era: definition of the concept

Tatiana V. Savina

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation

tsavina2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7810-4545>

Abstract

Recent comprehensive studies of the Russian language's reaction to social upheavals indicate that there is still no common term to denote the expansion of ideology into the Russian language with the advent of the new Soviet power. This paper is to verify the concepts used in the research literature to describe the Russian language during the Soviet era, with the aim to identify the term "Soviet-type Russian language." Several concepts are in use: "Soviet lan-

© Савина Т. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 297–310
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 297–310

guage,” “totalitarian language,” “lingua Sovietica,” “newspeak,” “Linguistic Sovietology.” The analysis reveals that several characteristics can be identified to indicate the formation of a specific version of the Russian language in the Soviet era, one to be broadly referred to as the “Soviet-type Russian language.” It is when linguistic signals can identify the process of ideological indoctrination of native speakers. First, “an interpreter” should explain the meaning of a new word, with the interpretation imposed “from above” and striving to become the only authoritative one. Second, the axiological bipolarity imposed from the outside becomes dominant in the semantic meaning of a word. Third, the “Soviet-type Russian language” is characterized by a conscious rejection of the linguistic heritage of the previous period. “Soviet-type Russian language” is one of the most vivid examples of the internal dynamic language development coinciding with the political and social breakdown of society, causing an incredible acceleration of the natural processes of language change. Thus, the extent and direction of linguistic transformations conditioned the development of a language of a new quality.

Keywords

Soviet language, lingua Sovietica, Sovietisms, Newspeak

For citation

Savina T. V. Russian language of the Soviet era: definition of the concept. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 297–310. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/22

Язык как функциональная система, обладающая целевой направленностью, всегда определенным образом реагирует на любой внешний раздражитель, в первую очередь на масштабные общественно-политические и культурные коллизии. Эпоха Ренессанса изменила европейские языки, освободив от доминирования латыни. Эпоха Просвещения снабдила языки философскими терминами. Великая Французская революция открыла возможности политизации языка [Какзанова, 2016]. В стремлении сохранить свою коммуникативную пригодность язык быстро реагирует на изменение внешних обстоятельств, что выражается в постоянном процессе демократизации языка и расширении его инструментальных возможностей. Изменения происходят на всех уровнях языковой системы: фонетика меняется в сторону упрощения, интенсифицируются словообразовательные процессы, словарный запас языка пополняется новыми словами, трансформируется синтаксис. В результате функциональная нагрузка на язык резко возрастает, а внешнее давление способно воздействовать на внутреннюю структуру языка и направленно влиять на его развитие.

Зарождение так называемого советского языка в 1920-е гг. не было уникальным языковым явлением – в России первой трети XX в. язык почти непрерывно подвергался изменениям, вызванным Первой мировой войной и революциями [Бессонова, 2014]. Дореволюционный опыт реакции русского языка на внешние факторы отличался в советский период целями, динамикой, масштабами и последствиями, что резко усилило инструментальную функцию языка, превратив его в один из основных каналов трансляции советской идеологии. В современной лингвистике в общем и целом уже сформировался исследовательский подход к языку советской эпохи как обладающему рядом характеристик, а именно под идеологическим давлением язык способен:

- широко использовать сложносокращенные слова и аббревиатуры при номинации новых явлений и понятий;
- легко осваивать заимствования политической лексики;
- развивать у слова новое значение за счет добавленной идеологической компоненты;
- встраивать биполярную оценочность внутрь нового значения;

- создавать идеологически маркированные клише на базе авторитетного высказывания [Купина, 1995; Чудакова, 2007; Будаев, Чудинов, 2009].

В совокупности это привело к тому, что внутри русского языка в советское время в 1920-е гг. возник, в 1930–1960-е гг. укрепился и окостенел и к 1990-м гг. постепенно отчасти разрушился особый вариант русского языка, подчинявшийся политически ангажированной системе значений. Однако выстраиваемая исследователями картина далеко не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Современные попытки системного анализа реакции русского языка на социальные потрясения демонстрируют разночтения уже на уровне терминологии: всё еще не выработан единый термин для обозначения экспансии идеологии в русский язык с приходом новой власти: «советский язык», «тоталитарный язык», «*lingua Sovietica*», «новояз», или, как вариант, «новомова», «лингвистическая советология», «деревянный язык». Однако очевидно, что при всем разнообразии терминологические единицы оперируют единым понятием «язык», фиксируя возникновение новой системы значений внутри русского языка в период политических и социальных потрясений.

Задачей настоящего исследования является попытка верификации принятых в научно-исследовательской литературе концептов, описывающих функционирование русского языка в советский период, а также обоснования возможности использования термина «русский язык советского типа».

«Большевистский волапюк»

Первые попытки описать и оценить новые явления в языке через перспективу его реакции на социальные изменения были предприняты уже через несколько лет после революции. Представители Женевской лингвистической школы, имевшей социологическую направленность, С. О. Карцевский, Р. О. Якобсон и В. Б. Шкловский, а также А. М. Селищев и А. Г. Горнфельд попытались в 1920-е гг. систематизировать свои наблюдения над синхронными изменениями в русском языке в ряде очерков [Карцевский, 1923; Селищев, 1928]. Кроме того, в 1924 г. вышел номер журнала «ЛЕФ», практически целиком посвященный анализу языка В. И. Ленина, что, однако, оказалось едва ли не единственной попыткой синхронного лингвистического анализа речевой практики политического лидера [Калинин, 2018].

Все современники в один голос говорили о влиянии демократизации общества на коммуникативную функцию языка, главным результатом которой стал двусторонний процесс движения лексики: создание новых слов и их распространение в широких слоях населения, а также массовое проникновение языка городских низов в речь политически активного слоя общества. Основным материалом для анализа служили многочисленные новообразования, чаще всего имевшие форму сложносокращенных слов. В современных исследованиях это считается неоспоримыми приметами нового «советского языка» [Климак, 2009]: *Раинпрофобр*, *политком*, *ТРЕПЕТУН* (Третий петроградский университет), *КОМУНМЗ* (Коммунистический университет национальных меньшинств Запада) и т. д. Однако, как указывали лингвисты 1920-х гг., это явление было не революционным в виде отказа от старорежимных наименований, а вполне буржуазным. «Телеграфный стиль» начала века с его ускоренным темпом жизни, распространением телеграфа и стремлением к экономии средств, в том числе и языковых, стал причиной возникновения сложносокращенных наименований организаций, должностей и соци-

альных явлений. Сложносокращенные названия *Осфрум* (Общество содействия физическому развитию учащейся молодежи), *Лензото* (Ленское золотопромышленное товарищество), *наштаверх* (начальник штаба верховного главнокомандующего) имеют дореволюционное происхождение, не говоря уже о *кадетах*, *эсдеках* и *эсерах*.

В общем и целом на тот момент говорить о создании новых языковых инструментов трансляции системы идеологических предписаний, подлежащих внедрению в языковое сознание, говорить было рано. В 1920-е гг. «все процессы, наблюдающиеся в русском языке, являются обычными, нормальными языковыми процессами, но с ускоренным темпом» [Карцевский, 1923, с. 69–70]. Естественно, что никаким иным термином, кроме «русский язык», наблюдатели не пользовались, за исключением экспрессивных восклицаний типа «большевистский волапук» или «дикие сокращения» большевиков.

Однако сразу после революции наблюдатели отмечали тревожное явление, которое можно считать точкой отсчета превращения русского языка в язык советского типа. «Нов не принцип – нова масса и обязательность к использованию» [Горнфельд, 1922, с. 13], когда языковая целесообразность сталкивается с силовым внедрением, что является первым признаком идеологической экспансии в язык.

«Новояз»

В 1930-е – 1950-е гг. процесс научной рефлексии над наблюдаемыми в русском языке изменениями был в России фактически заморожен вторжением государства в науку о языке и, в частности, внедрением «нового учения о языке» и его классовой сущности Н. Я. Марра. Среди западных интеллектуалов уже в 1940-е гг. одним из первых о последствиях вторжения идеологии в язык написал Дж. Оруэлл в эссе «Политика и английский язык» (1948), проиллюстрировав на примере вымышленного «новояза» (*newspeak*) в романе «1984» (1949), как с помощью языка можно исключить возможность оппозиционного образа мышления. Именно благодаря Оруэллу в отечественной лингвистике, изучающей русский язык советского периода, возник термин «новояз», не столько как своеобразный оммаж в сторону его создателя, сколько как признание сходства процессов в разных языках в условиях крайней идеологизации общества.

Учитывая то, что роман Оруэлла был запрещен в Советском Союзе, собственно на русской почве термин «новояз» первоначально появился в текстах диссидентов в 1970-е гг. как критика советского строя и всего, что с ним связано, в том числе и языка [Геллер, 1994]. Под наименование «новояз» попадало всё, что несло на себе отпечаток авторитетного политического высказывания и в основном относилось к языку политической верхушки и партийной бюрократии. «Новояз» как режим языковых запретов и предписаний отражал языковые аспекты коммуникации власти и общества. Язык политических текстов, направленных сверху от власти к населению, в языке публичных выступлений населения в качестве реакции снизу получил функцию маркера лояльности [Купина, 2012]. Как сигналы политической благонадежности, авторитетные формулы тиражировались в политических выступлениях и служили языковыми «этикетками» [Селищев, 1928] для «своих» и «чужих».

До недавнего времени российские исследователи широко использовали термин «советский новояз» по отношению к разнообразным языковым явлениям со-

ветского периода, а зачастую как синоним термина «советский язык» [Вайсс, 2000; Киселева, 2008]. Действительно, начиная с ритуальных лозунгов *да здравствует мировая революция* 1920-х гг. и до стандартных зачинов *в свете решений партийного съезда* вплоть до 1990-х строгая регламентация словоупотребления в области идеологии роднит оруэлловский «новояз» с русским языком советского периода. Однако на этом сходство практически исчерпывается.

В первую очередь отличительной от концепта «новояза» чертой русского языка советской эпохи является степень усвоения авторитетных формул языковым сознанием носителя языка, которая, видимо, была довольно низкой. Лояльность проявлялась в основном в публичной речи партсобраний и митингов или письменной речи официальных документов: протоколов, автобиографий, обращений [Григорьян, 2010, с. 56]. Более того, на бытовом уровне и в повседневной речи можно наблюдать обратный процесс – профанацию официальной формулы, т. е. «мыслепреступление» (*thinkcrime*), невозможное в рамках оруэлловского «новояза».

Открытая еще Салтыковым-Щедриным возможность языковой игры с официозом лежит в основе особого вида сатиры в русской литературе, от Зошченко, Ильфа и Петрова до писателей-сатириков 1990–2000-х гг. Жванецкого и Губермана, а также всего комплекса советских (вернее, антисоветских) анекдотов: застывшие формулы официоза неизбежно приобретают новые смыслы, направленные к осмеянию или иронии. Более того, среда, на которую «обрушивается огромное количество политической информации, “обрабатывает” поступающие к ней “сверху” тексты с помощью традиционных фольклорных моделей» [Архипова, Мельниченко, 2009, с. 27]. Таким образом, возможность «мыслепреступления» задает пространство для «двоемыслия» [Young, 1992].

Бесконечное тиражирование, лозунговый характер и невозможность критического анализа – основные признаки «новояза» – становятся причиной того, что авторитетное высказывание утрачивает смысл, превращается в знак лояльности и исчезает из официального языка при смене политического лидера. А. Юрчак, говоря о десакрализации и разрушении официальных формул в русском языке в позднюю советскую эпоху, считает это одной из основных предпосылок краха «советского проекта» [Юрчак, 2014]. Таким образом, инакомыслие, мыслепреступление, выражаемое не активным действием, а «языковым сопротивлением», выводит русский язык советского периода далеко за рамки «новояза» – искусственной языковой системы политической пропаганды.

«Lingua Sovietica» – «советский язык»

Практически одновременно с эссе и романом Дж. Оруэлла было опубликовано исследование немецкого филолога В. Клемперера «Lingua Tertii Imperii. Язык Третьего рейха», посвященное вопросу изменения языковых привычек в обществе под давлением идеологии. После перевода книги Клемперера на русский язык в конце 1990-х гг. по аналогии с термином «Lingua Tertii Imperii» (далее – LTI) в исследованиях отечественных лингвистов стал окказионально использоваться термин «lingua Sovietica» [Игнатова, 2006] – как правило, как основа для сравнения тоталитарных языковых дискурсов фашистской Германии и Советского Союза. При этом гораздо шире используется перевод латинского термина – «советский язык» [Басалаева, Шпильман, 2019; Санджи-Гаряева, 2011].

Близость между ЛТИ и «советским языком» обнаруживается в области инструментальной функции языка, когда он превращается в основной канал трансляции системы идеологических установок. Как и ЛТИ, «советскому языку» был свойственен романтизм первых революционных лет: мечта с «раздробленным крылом» и «винтовкой за плечом» [Овчаренко, 2015]. «Советскому языку» так же, как и ЛТИ, была присуща сакральная тема, например использование лозунга *Ленин и сейчас живее всех живых* в качестве наглядной агитации, поминовение жертв революции и ее мучеников в партийном похоронном марше «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» и т. д. Точно так же, как и ЛТИ, в советском языковом дискурсе присутствовало преувеличение преимуществ советского строя: «Советское – значит лучшее».

Однако же если выделенные Клемперером характеристики немецкого языка проецировать на язык советской эпохи, то вместе со сходными чертами обнаруживаются и существенные различия. В отличие от ЛТИ, который в основе своей был устным, диалог советской власти и общества был преимущественно письменным – в форме прецедентных текстов политических лидеров и средств массовой информации. Именно поэтому этот язык не стал «языком улиц» и практически не проник в бытовую речь. Противостояние советской пропаганды и бытового языка улицы свидетельствует о том, что советский языковой дискурс строился не на убеждении, что было свойственно, согласно В. Клемпереру, политическим речам лидеров Третьего рейха, а на «разъяснении» [Алтунян, 2000, с. 192].

Ввиду того, что русский язык с начала XX в. заимствовал и создавал новые слова в беспрецедентных объемах, для русского языка советского периода новым было наличие интерпретатора. Власть взяла на себя обязанность объяснить значение ключевых политических понятий, таких как *коммунизм*, *революция*, *эксплуатация*, *экспроприация* и т. д., упростив до предела и, естественно, включив их в идеологическую систему, зачастую насильно сужая семантическое поле понятия. Государством-интерпретатором были использованы два наиболее эффективных инструмента: средства массовой информации в своем самом простом и примитивном виде – листовки, и кампания по ликвидации безграмотности. Так, например, в листовке 1920-х гг. объяснялась необходимость строительства воздушного флота – абсолютного новшества для деревенского населения, адресата листовки: «Все буржуазные государства спешно строят самолеты. [...] Зачем это? Прежде всего для военных целей» [Калашникова, 2017, с. 283]. Безапелляционный характер утверждения выдает руководящее начало: не сомневайтесь, ни для чего другого – для войны. Положение Советской республики, со всех сторон окруженной врагами, позволяло внести в идеологические концепты оттенок драматизма, который сохранялся в русском языке вплоть до развала советской системы. Драматический пафос высказывания, в свою очередь, служил оправданием практически любых активных действий со стороны государства, направленных как вовне, так и вовнутрь страны. «Революционный рабоче-крестьянский букварь для взрослых» так объяснял понятие *диктатура*: «Для того, чтобы окончательно победить врагов и укрепиться – новая власть должна быть сильной, неограниченной и единой». Ключевой концепт – «неограниченная власть», в ином контексте имевший бы отрицательные коннотации, в конкретной речевой практике оправдывается целью – защита от врагов.

Кампания по ликвидации неграмотности, когда власть требовала «привлекать к обучению неграмотных в порядке трудовой повинности всё грамотное население страны», как говорилось в Декрете СНК о ликвидации безграмотности среди

населения РСФСР от 26 декабря 1919 г., привела к тому, что знакомство с иностранным словом шло через посредника (учителя), который сам решал, какое значение должно иметь то или иное понятие, а многозначность слова сводилась к объяснению одного, политически контролируемого значения, обеспеченного положительной или отрицательной коннотацией.

Именно манипуляции с подвижной идеологической компонентой значения слова привели к созданию жесткого официального канона, с одной стороны, а с другой – препятствовали проникновению официального политического языка в бытовую речь. С этой точки зрения вряд ли целесообразно использовать термин «lingua Sovietica» в отношении русского языка советского периода, поскольку термин недвусмысленно отсылает к языковым практикам Третьего рейха, когда немецкий язык трансформировался под влиянием иных, весьма специфических, условий.

«Советский язык» или «советизмы»?

В 2003–2004 гг. на радио «Свобода» вышел цикл передач под названием «Lingua Sovietica – Советский язык», или, как заявил ведущий программу В. Тольц, «новояз»¹. Все три термина «в одном флаконе» соответственно определили и тематику цикла: гости программы обсуждали целый спектр языковых явлений – кто такой «кулак», что такое «культ личности», кто такие «стиляги», как говорят по-русски в Нью-Йорке русские эмигранты и т. д. По сути, беседа касалась не столько «советского языка», сколько «советизмов».

Естественно, что и политологический, и культурологический, и лингвистический анализ языкового явления тесным образом связан с областью прагматики, поэтому хронологически исследования русского языка советской эпохи в основном фокусируются на периоде 1917 – 1990-е гг. – времени существования советского режима в России, опираясь на толкование прилагательного «советский» как «относящийся к государственной власти Советов» [Купина, 2009, с. 35]. С точки зрения прагматики «советский язык» рассматривается исследователями как опыт идеологического давления на русский язык со стороны политического режима, что свидетельствует о вмешательстве «социальной воли в структуру и развитие языка» [Геллер, 1994, с. 6].

Начиная с середины 1990-х гг. появился ряд исследований, посвященных идеологическим конструктам «советского языка»: создание метафор, метонимий, лексикографическая кодификация идеологем в советских словарях, освоение заимствованной политической лексики, способы создания неологизмов [Купина, 1995; Загоровская, Есмаеел, 2008; Разинкина, 2011]. В целом исследователи приходят к выводу, что основной характеристикой «советского языка» в области прагматики является идеологическая устойчивость языковых конструктов, что, в свою очередь, выражается определенным набором языковых средств. В первую очередь это семантическая неразложимость словосочетаний, отвечающая за создание идеологического штампа: *верный ленинец, народ-труженик, партийная совесть* и т. д. Идеологизация семантики слова происходит за счет наличия «эпитетов-стабилизаторов», как их называет немецкий исследователь Д. Вайсс [2000],

¹ Lingua Sovietica – Советский язык // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/24204198.html> (дата обращения 17.06.2021).

или «атрибутивного сопровождения», по мнению российского филолога Н. Купиной [1995], но в любом случае целенаправленно и намеренно.

Кроме того, постоянно отмечается характерная направленность создания идеологического словосочетания – сверху вниз через посредство прецедентных текстов, таких как статьи газеты «Правда», программные партийные документы, речи политических лидеров, что в совокупности воспринимается как «прецедентный метатекст» [Разинкина, 2011]. В силу этого представляется необходимым уточнить термин: в основном материалом этих исследований служит не «советский язык», а «советский политический язык» [Шипицына, Мамонова, 2016]. При этом вряд ли можно говорить о функционировании отдельного «советского языка», скорее речь идет о «советизмах» в широком смысле, т. е. о слове или сочетании слов, обладающих «значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства» и которое имеет «наведенные идеологической и социальной средой коннотативные приращения или культурные ограничители» [Купина, 2009, с. 37].

«Советский язык» как речь «другого»

Однако в ряде других исследований термин «советский язык» интерпретируется иначе: как речевой ответ населения на вторжение идеологии в языковое сознание. Как отметил П. Серио, изучая русский язык 1920–1930-х гг., «литература здесь обгоняет лингвистику», что неудивительно, поскольку писатели имели возможность «на слух», синхронно фиксировать проникновение в повседневный язык советских штампов, которые делали его «деревянными» [Серио, 2008, с. 167]. В литературоведческих исследованиях предпринята попытка вычленить речевые характеристики «советского человека» в произведениях М. Зощенко, М. Булгакова, А. Платонова (см., например, [Чудакова, 2007; Санджи-Гаряева, 2011]). Следует заметить, что речь идет не о текстах литературы «соцреализма», по сути являющимися составной частью «метатекста», направленного сверху авторитетным заказчиком [Симмонс, 2008, с. 156], а о попытках зафиксировать изменения внутри русского языка в речевых практиках населения. Насыщенность «уличной», «домашней», «учрежденческой»² речи «деревянными» штампами не столько свидетельствует о политизации населения, сколько ставит вопрос о языке и его носителе. П. Серио, размышляя об отношениях власти и языка, задает вопрос: если *они* (власть) – это *мы* (носители языка), то, значит, язык *другого* – это язык «других нас»? Иначе говоря, отражают ли «деревянные» элементы речи изменения в сознании говорящего, являются ли внешними сигналами политической мимики или, наоборот, свидетельствуют о разрушении языкового штампа?

В художественной литературе 1920–1930-х гг. вкрапления «советского языка» в речь персонажей звучат еще свежо и отражают новый, энергичный, напористый стиль жизни. В небольшом рассказе Л. Сейфуллиной (1926) «Налет» юная героиня представляется так: «Ну, так вот, получайте *анкету*. Имя, отчество, фамилия: Клеопатра Ипполитовна Камбулина. Год мне пошел двадцатый. *Происхождение мелкобуржуазное*, дочь адвоката. Ну, он еще до революции помер. Я еще не успе-

² Необходимо отметить, что речь идет не о «канцелярите» – термине, введенном Корнеем Чуковским в отношении языка советской бюрократии, а о «деревянном» языке, который, по мнению П. Серио, «наводнен плохими элементами, которые <...> не являются внешними, а принадлежат языку» [Серио, 2008, с. 165]. Под «плохими» Серио имеет в виду идеологические штампы.

ла *обуржуазиться* <...>. Меня товарищи Клепкой зовут. Не очень мне это нравится: “Клепка”! Ну, ничего не попишешь, все лучше, чем Клеопатра. <...> Ну, я собираюсь *пооктябриться*. Мюдой назовусь. Понимаете? *Международное юношеское движение: Мюда*». В романтические 1920-е гг. население, особенно молодежь, с энтузиазмом осваивало новую лексику в порыве разрушения всего *старого, отжившего, старорежимного*. В речи персонажа Клепки идеологические штампы свидетельствуют о стремлении героини стать другой, измениться: девушка могла представиться иначе, но предпочла воспользоваться емкими, современными дефинициями.

Однако в литературе 1950–1960-х гг. молодежь уже говорит по-другому. В рассказе И. Зверева «Второе апреля» (1964) застигнутый врасплох школьник пытается скрыть, что ему симпатична девочка, но при этом не хочет врать: «“Я считаю ее *хорошим товарищем и передовой пионеркой*”, отвечал несчастный Ряша [...] и покраснел, как вымпел». Казенной формулировкой влюбленный пионер уходит от прямого ответа, поскольку что-то сказав, он в общем-то не сказал ничего. *Передовая пионерка* – это эвфемизм, который стоит на границе между личным и общественным пространством.

И совсем по-другому воспринимается «советский язык» в речи персонажей произведений литературы 1980-х гг. В пьесе Л. Петрушевской «Уроки музыки» (1986) герой, оказавшись в неловкой ситуации в присутствии проныливой соседки-сплетницы, сокрушенно замечает: «Побежала... *Народный контроль в действии*». Намек очевиден: от вмешательства соседки герой ожидает самых неприятных последствий. Использование наименования органа партийно-государственного контроля в сниженной форме имеет даже не иронический, а саркастический смысл.

Как видно из примеров, русский язык советской эпохи не был однороден: с одной стороны, отражая изменения в сознании говорящего, идеологические клише переставали быть внешними элементами и становились частью его языка; однако, с другой стороны, формирование авторитетного речевого дискурса, зафиксированного прецедентными политическими текстами, привело к созданию языкового канона и его омертвлению [Чудакова, 2007], когда язык «другого» становился лингвистическим сигналом советского официоза.

Русский язык советского типа

На общем фоне современных лингвистических, литературоведческих и политологических исследований разноголосица терминов, употребляемых исследователями в отношении русского языка советской эпохи, свидетельствует о том, что всё еще не зафиксирован статус данного языкового феномена. Об этом же свидетельствуют суженные хронологические рамки лингвистического анализа, которые ограничиваются временем существования советского режима. Так, практически все современные исследователи считают, что за пределами данных хронологических рамок говорить о советском языке не приходится [Разинкина, 2011]. Это, в свою очередь, приводит к тому, что предмет исследования становится равен объекту: русский язык советского периода изучается отдельно от естественных языковых процессов, характерных для эволюции любого языка как внутри, так и вне рамок идеологического давления. Ни обилие заимствований, ни интенсификация словотворческих процессов не были уникальными характеристиками язы-

кового процесса советского времени, а освоение новой лексики носителями языка шло традиционными путями через средства массовой информации.

Одним из первых лингвистов термин «русский язык советского типа» использовал английский славист Дж. Данн. Наблюдая за русским языком постсоветского периода, он сделал вывод, что русский язык трансформируется из языка советского типа в язык западного типа, о чем говорит его «десоветизация, вестернизация и стилистическая либерализация». Тем не менее, вводя это понятие, Данн апеллирует к политическому языку 1990-х гг., говоря, что «та языковая изолированность, которая была отличительной чертой русского языка советского периода, и те языковые элементы, которые придавали русскому языку советский характер, исчезли почти одновременно с падением советского режима» [Данн, 2008, с. 57]. Однако очень сомнительно, чтобы опыт жесткого идеологического давления на язык исчез в одночасье из речевых практик.

С нашей точки зрения, можно выделить ряд признаков, которые указывают на то, что в советскую эпоху сложился некий вариант русского языка, который действительно можно назвать «русским языком советского типа», т. е. когда лингвистические сигналы позволяют опознать процесс идеологической индоктринации носителей языка.

Во-первых, это наличие интерпретатора, объяснявшего значение нового слова, причем интерпретация навязывалась «сверху» и стремилась к тому, чтобы стать единственно авторитетной. Во-вторых, навязанная извне аксиологическая биполярность являлась ведущей в семантическом значении слова, где основным атрибутивным сопровождением в советскую эпоху были слова «революционный», «демократический» и «наш, советский». В-третьих, включение речи «другого», т. е. авторитетного дискурса, в языковое сознание носителя обусловило отказ от языкового багажа предшествующего периода и искусственное вытеснение из языка неактуальных номинативов. В-четвертых, широкомасштабные эксперименты с идеологической компонентой значения слова, манипулирование семантикой привели к тому, что язык утратил доверие своего носителя, особенно пласт политической лексики, что стало одной из причин мощного языкового сопротивления.

Русский язык советского типа – один из самых наглядных примеров того, как внутреннее динамическое развитие языка совпало с политической и социальной ломкой общества, что стало причиной невероятного ускорения естественных процессов изменения языка. При этом масштабы и направленность языковых трансформаций обусловили возникновение языка нового качества и новой прагматики.

Список литературы

Алтунян А. Г. *Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica* («Если двое делают одно и то же...») // Знамя. 2000. № 8. С. 192–201.

Архипова А. С., Мельниченко М. А. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М., 2009. 398 с.

Басалаева Е. Г., Шпильман М. В. «Советский язык» как объект языковой рефлексии в интернет-коммуникации // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2019. № 2. С. 142–156.

Бессонова Л. Е. Иноязычные заимствования в политической лексике начала XX века // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 103–108.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 291 с.

Вайсс Д. «Новояз» как историческое явление // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 539–555.

Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.

Горнфельд А. Г. Новые словечки и старые слова. Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г. Петербург: Колос, 1922. 64 с.

Григорьян Я. Г. Идеологемы пролеткульта и интенции государственной власти в советской России 1920-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 4. С. 53–61.

Данн Дж. А. Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца // Политическая лингвистика. 2008 № 3 (26). С. 49–57.

Загоровская О. В., Есмаеел С. А. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 74–82.

Игнатова Е. М. Lingua Tertii Imperii: общая характеристика и базовые концепты // Языковое бытие человека и этноса. 2006. № 11. С. 56–63.

Какзанова Е. М. Влияние Великой французской революции на политизацию языка // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 187–193.

Калашикова И. Н. Листовки 1920-х годов в фондах государственного исторического музея Южного Урала // Гороховские чтения. Материалы восьмой региональной музейной конференции. Челябинск, 2017. С. 282–285.

Калинин И. А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605–617.

Карцевский С. О. Язык, война и революция. Берлин: Рус. универс. изд-во, 1923. 72 с.

Киселева Н. Е. Социокультурные аспекты новояза в СССР в 20-е – 30-е годы XX века // Вестник МГУКИ. 2008. № 1. С. 81–84.

Климас И. С. Сложносокращенные слова советской эпохи в произведениях А. П. Гайдара // Курское слово. 2009. № 6. С. 42–48.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995. 144 с.

Купина Н. А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 35–40.

Купина Н. А. Советский конформизм в зеркале языка // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 27–32.

Овчаренко А. Ю. «Сабля да книга – чего же еще?»: романтика революции в русской литературе 1920–1930-х годов // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 1. С. 164–168.

Разинкина Н. С. Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917–1956 гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. 2011. № 344. С. 26–29.

Санджи-Гаряева З. С. Советский язык в изображении А. Платонова и М. Булгакова // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2011. № 6 (2). С. 615–619.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926. М., 1928. 248 с.

Серво П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. № 5 (25). С. 160–167.

Симмонс Э. Дж. Политический контроль и советская литература // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 156–163.

Чудакова М. О. Новые работы: 2003–2006. М.: Время, 2007. 557 с.

Шипицына Г. М., Мамонова Ю. О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235), вып. 30. С. 21–28.

Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 662 с.

Young J. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents. University of Virginia Press, 1992. 335 p.

References

Altunyan A. G. Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica (“Esli dve delayut odno i to zhe...”) [Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica (“If two do the same...”).] *Znamya*. 2000, no. 8, pp. 192–201.

Arkhipova A. S., Mel'nichenko M. A. Anekdoty o Staline: Teksty, komentarii, issledovaniya [Anecdotes about Stalin: Texts, Commentaries, Research]. Moscow, OGI (United Humanities Publishers), 2010, 400 p.

Basalaeva E. G., Shpil'man M. V. “Sovetskiy yazyk” kak ob’ekt yazykovoy refleksii v internet-kommunikatsii [Soviet language as an object of linguistic reflection in Internet communication]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2019, no. 2, pp. 142–156.

Bessonova L. E. Inoyazychnye zaimstvovaniya v politicheskoy leksike nachala 20 veka [Foreign language borrowings in the political vocabulary of the early 20th century]. *Political Linguistics*. 2014, no. 3, pp. 103–108.

Budaev E. V., Chudinov A. P. *Lingvisticheskaya sovetologiya* [Linguistic Sovietology]. Ekaterinburg, UrSPU, 2009, 291 p.

Chudakova M. O. *Novye raboty: 2003–2006* [New works: 2003–2006]. Moscow, Vremya, 2007, 557 p.

Dann Dzh. A. Transformatsiya russkogo yazyka iz yazyka sovetского tipa v yazyk zapadnogo obraztsa [The transformation of Russian from a language of the Soviet type to a language of the Western type]. *Political Linguistics*. 2008, no. 3 (26), pp. 49–57.

Geller M. Ya. *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetского cheloveka* [Cogs in the Wheel: The Formation of Soviet Man]. Moscow, MIK, 1994, 336 p.

Gornfeld A. G. *Novye slovechki i starые slova. Rech' na s"ezde prepodavateley russkogo yazyka i slovesnosti v Peterburge 5 sentyabrya 1921 g.* [New words and old words. Speech at the Congress of Teachers of Russian Language and Literature in St. Petersburg on September 5, 1921]. Petersburg, Kolos, 1922, 64 p.

Grigor'yan Ya. G. Ideologemy proletkul'ta i intentsii gosudarstvennoy vlasti v sovetской Rossii 1920-kh gg. [The ideologemes of the proletarian culture and the intentions of state power in Soviet Russia in the 1920s]. *RUDN Journal of Russian History*. 2010, no. 4, pp. 53–61.

Ignatova E. M. Lingua Tertii Imperii: obshchaya kharakteristika i bazovые kontsepty [Lingua Tertii Imperii: general characteristics and basic concepts]. *Linguistic existence of human being and ethnos*. 2006, no. 11, pp. 56–63.

Kakzanova E. M. Vliyanie Velikoy frantsuzskoy revolyutsii na politizatsiyu yazyka [Influence of the Great French Revolution on the politicization of language]. *Political Linguistics*. 2016, no. 4 (58), pp. 187–193.

Kalashnikova I. N. Listovki 1920-kh godov v fondakh gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya Yuzhnogo Urala [Leaflets of the 1920s in the funds of the State Historical Museum of the Southern Urals]. In: *Gorokhovskie chteniya. Materialy vos'moy regional'noy muzeynoy konferentsii* [Gorokhov readings. Materials of the 8th regional museum conference]. Chelyabinsk, 2017, pp. 282–285.

Kalinin I. A. Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii [How Lenin's language is made: the material of history and the method of ideology]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2018, no. 15 (4), pp. 605–617.

Kartsevskiy S. O. *Yazyk, voyna i revolyutsiya* [Language, war and revolution]. Berlin, Rus. univers. izd., 1923, 72 p.

Kiseleva N. E. Sotsiokul'turnye aspekty novoyaza v SSSR v 20-e – 30-e gody 20 veka [Sociocultural aspects of Newspeak in the USSR in the 20s – 30s of the 20th century]. *Bulletin of the Moscow state University of culture and arts (Vestnik MGUKI)*. 2008, no. 1, pp. 81–84.

Klimas I. S. Slozhnosokrashchennye slova sovetskoy epokhi v proizvedeniyakh A. P. Gaydara [Complex abbreviated words of the Soviet era in the works of A. P. Gaidar]. *Kurskoe slovo*. 2009, no. 6, pp. 42–48.

Kupina N. A. Sovetizmy: k opredeleniyu ponyatiya [Sovietisms: to the definition of the concept]. *Political Linguistics*. 2009, no. 2 (28), pp. 35–40.

Kupina N. A. Sovetskiy konformizm v zerkale yazyka [Soviet conformism in the mirror of language]. *Political Linguistics*. 2012, no. 2 (40), pp. 27–32.

Kupina N. A. *Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language: vocabulary and speech reactions]. Ekaterinburg, Perm', 1995, 144 p.

Ovcharenko A. Yu. "Sablya da kniga – chego zhe eshche?": romantika revolyutsii v russkoy literature 1920–1930-kh godov "Saber and book – what else? Russian literature in the 1920's-1930's". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2015, no. 1, pp. 164–168.

Razinkina N. S. Kontseptual'naya metafora v russkom yazyke sovetskogo perioda (1917–1956 gg.) [Conceptual metaphor in the Russian language of the Soviet period (1917–1956)]. *Tomsk State University Journal*. 2011, no. 344, pp. 26–29.

Sandzhi-Garyaeva Z. S. Sovetskiy yazyk v izobrazhenii A. Platonova i M. Bulgakova [Soviet language in works of A. Platonov and M. Bulgakov]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological sciences*. 2011, no. 6(2), pp. 615–619.

Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniya nad russkim yazykom poslednikh let. 1917–1926* [Language of the revolutionary epoch. From observations on the Russian language of the last years. 1917–1926]. Moscow, 1928, 248 p.

Serio P. Derevyannyy yazyk, yazyk drugogo i svoi yazyk. Poiski nastoyashchey rechi v sotsialisticheskoy Evrope 1980-kh godov [Wooden language, the language of the other and one's own language. The search for real speech in socialist Europe in the 1980s]. *Political Linguistics*. 2008, no. 5 (25), pp. 160–167.

Shipitsyna G. M., Mamonova Yu. O. Obshchiy vzglyad na leksikon russkogo yazyka sovetskogo perioda [General look at the lexicon of the Russian language of the Soviet period]. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Humanitarian Sciences*. 2016, no. 14 (235), iss. 30, pp. 21–28.

Simmons E. Dzh. Politicheskiy kontrol' i sovetskaya literatura [Political control and Soviet literature]. *Political Linguistics*. 2008, no. 1 (24), pp. 156–163.

Vayss D. “Novoyaz” kak istoricheskoe yavlenie [“Newspeak” as a historical phenomenon]. In: *Sotsrealisticheskiy kanon: Sb. st.* [Socialist Realist Canon]. Kh. Gyunter, E. Dobrenko (Eds.). St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 539–555.

Young, J. *Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents*. University of Virginia Press, 1992, 335 p.

Yurchak A. V. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, New Literary Observer, 2014, 662p.

Zagorovskaya O. V., Esmaeel S. A. Ob inoyazychnykh zaimstvovaniyakh v politicheskoy leksike russkogo yazyka [On foreign language borrowings in the political vocabulary of the Russian language]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2008, no. 3, pp. 74–82.

Информация об авторе

Татьяна Вячеславовна Савина, кандидат филологических наук, доцент

Information about the author

Tatiana V. Savina, Candidate of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 05.07.2021;
одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 25.11.2021
The article was submitted on 05.07.2021;
approved after reviewing on 25.11.2021; accepted for publication on 25.11.2021*